

Архиепископ Амвросий (Ермаков)

Священник Михаил Легеев

ВВЕДЕНИЕ В АСКЕТИКУ

УЧЕБНИК

Санкт-Петербургская Духовная Академия

Михаил Легеев

Введение в аскетику

«Издательство СПбДА»

2017

УДК 248.1(075.8)
ББК 86.372.24-443я73

Легеев М.

Введение в аскетику / М. Легеев — «Издательство СПбПДА»,
2017

ISBN 978-5-906627-40-7

Учебник «Введение в аскетику» архиепископа Петергофского Амвросия (Ермакова), ректора Санкт-Петербургской духовной академии, кандидата богословия, и священника Михаила Викторовича Легеева, кандидата богословия, доцента кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии, раскрывает основные понятия об аскезе человека: её предназначении, характере и особенностях. Систематический охват материала опирается на обширное наследие святоотеческой аскетической литературы. Обобщение и компактное представление этого огромного наследия, а также простота изложения помогают раскрыть глубину затрагиваемых тем, сделать их доступными для современного читателя. Материал учебника содержит контрольные вопросы, а также задания для самостоятельной работы. Каждая тема сопровождается текстом одного из духовных писателей, святых или подвижников Церкви XIX–XXI веков. Это позволяет наиболее понятно познакомить современного читателя с аскетическим святоотеческим наследием и опытом. Учебник адресован преподавателям и студентам богословских учебных заведений, богословских факультетов светских вузов, а также всем желающим глубже уяснить смысл христианского подвига.

УДК 248.1(075.8)
ББК 86.372.24-443я73

ISBN 978-5-906627-40-7

© Лееев М., 2017

© Издательство СПбДА, 2017

Содержание

Тема 1. Предмет аскетики – аскеза	7
Приложение: Митрополит Антоний Сурожский. Ученичество[2]	11
Тема 2. Аскеза в раю. Универсальный смысл аскезы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Архиепископ Амвросий (Ермаков),
Священник Михаил Легеев
Введение в аскетику**

© Издательство Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии, 2017

* * *

Тема 1. Предмет аскетики – аскеза

Аскетика – учебная дисциплина, которая изучает аскезу.

Само слово «аскеза» имеет греческое происхождение; оно имеет корни, уходящие в античную древность и происходит от глагола «ἀσκέω» (*askeo*), который переводится как «искусно, или опытно, возделывать», «упражняться». Таким образом, слово «аскеза» (греч. «ἀσκησις», (*askisis*)) с дохристианской древности имело буквальное значение «упражнение», «искусная обработка», «созидание в опыте».

В античной Греции аскетами называли, прежде всего, атлетов, то есть спортсменов, трудящихся над украшением своего тела, однако в принципе данный термин мог употребляться и более широко. Так, в философии стоиков понятие аскезы приобретает нравственный характер – оно начинает пониматься как упражнение в искусстве добродетели. Таким образом, хотя в языческом мире понятие аскезы не имело ещё того глубокого духовного смысла, который позднее приобрело в христианстве, тем не менее уже тогда закладывается основной смысл этого понятия, который остаётся актуальным и для нас: аскеза есть созидательный труд человека над самим собой.

Именно это древнегреческое слово «аскеза» впоследствии было взято и использовано Церковью для обозначения того *духовного опыта, совершаемого с усилием*, который необходим для каждого члена Церкви в его отношениях с Богом. В церковном значении этого слова аскеза обозначает уже не просто созидательный труд, совершаемый человеком над собой, но *труд, совершаемый во имя Христово и по Его образу*; так в Церкви Христовой понятие аскезы было переосмыслено и доведено до совершенства, как и многое другое наследие языческого мира.

Сегодня чаще всего слово «аскет» можно услышать в отношении человека, совершающего христианские подвиги самоограничения, плоды которых становятся очевидны для окружающих. Аскетами называют обычно монахов, отшельников, людей, ведущих суровый образ жизни, всецело пронизанный самоограничением и постоянным трудом. И тем не менее, *путь аскезы есть путь всякого члена Церкви*, он универсален, и нет такого человека, для которого аскеза не была бы необходимым условием его жизни и отношений с Богом.

Можно провести некоторую аналогию. Каждый христианин призван к святости и действительно имеет некоторые начатки святости в реальном опыте своей христианской жизни, но при этом лишь некоторых своих членов Церковь именует святыми – так мы называем людей, не просто вставших на путь совершенства, но и достигших конца этого пути, достигших полноты самоотдачи себя Богу. В каком-то смысле то же самое можно сказать и об аскезе: для каждого христианина она должна быть внутренним стержнем его христианской жизни, *но лишь для некоторых путь самоотречения и духовного делания заполняет всю внутреннюю жизнь без остатка*.

Формы аскезы могут быть разными, она может быть незаметна для окружающих, совершаться втайне и в тех жизненных условиях, в которых конкретный человек призван исполнять своё христианское служение. Но независимо от этого, каждый человек, встав на путь созидания себя как христианина, подлинного Человека во Христе, должен стремиться к предельной самоотдаче своих сил. Преподобный Макарий Египетский говорит о том, что человеку невозможно спастись, если он не отдаёт всех своих сил Богу в той духовной мере, которая ему доступна в данный конкретный момент его жизни; именно в предельной самоотдаче, согласно прп. Макарию, состоит совершенство жизни человека.

Независимо от конкретных форм аскезы, *аскетическое созидание человеком самого себя по образу Христову неотделимо от служения Богу и людям*. Цель жизни каждого христианина – через труд над самим собой способствовать созиданию жизни всех людей в Боге.

И наоборот, труд, совершаемый ради другого человека, таинственным образом исправляет и направляет к Богу самого трудящегося.

Священное Писание о смысле аскезы:

«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13-14).

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12).

«Подвизайтесь войти сквозь тесные врата» (Лк. 13:24).

«Подвизаюсь¹ всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми» (Деян. 24:16).

«Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы – нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор. 9:24-27).

«Упражняй себя в благочестии, ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей» (1 Тим. 4:7-8).

Святые отцы о смысле аскезы:

«Члены наши... суть храмы Божий... Сих-то храмов строители и настоятели – мы; послужим же Тому, Кому уже мы принадлежим» (*Киприан Карфагенский, свецмч. Об одежде девственников*).

Когда станешь камнетёсом своего собственного сердца... тогда приблизился ты к цели» (*Григорий Нисский, сет. О жизни Моисея Законодателя. Гл. 315*).

«Славно духовное подвижничество, но много у него противников. Кто хочет быть совершен в нем, тот не должен быть работен ни чему худому. Кто рабствует чему-либо худому тот далеко отстоит от предела совершенства». (*Антоний Великий, прп. Наставления св. отца нашего Антония Великого о жизни во Христе, извлеченные из слова его в жизнеописании св. Афанасия, из его 20 посланий и 20 слов. П. 44*).

«Обратимся к себе самим... и как изваяние иссечём богослова во всей красоте»; «Путь один относительно к добродетели: потому что и она одна, хотя и делится на многие виды. Тесен же он по причине трудов, и потому что для многих непроходим, а именно для великого числа противников, для всех, которые идут путём порока» (*Григорий Богослов, сет. Первое слово о богословии*).

«Так как обретаемое [сокровище] является великим, то великими должны быть и труды для стяжания его, предпринимаемые не на показ людям, а для угождения Господу, ведущему

¹ Ασκήω, глагольная форма от «ἀσκέω».

тайное... Великие состязания требуют и великих трудов» (*Григорий Нисский, сет. О цели жизни по Богу. VI; 1X:5*).

Бог «установил, [чтобы в духовном преуспевании] были труд, борение и ристалище, добровольно избираемые человеком и [преодолеваемые им] со многим терпением... Так управляла Божия благодать, чтобы каждый приобретал себе духовное возрастание посредством собственной воли и хотения, а также путём труда и борения» (*Макарий Египетский, прп. Великое послание. 11:5*).

«Те, которые тщательно исследуют христианство, прежде всего стараются познать совершенную волю Божию; для исполнения заповедей Господних они, с верою и упованием на [блаженную] цель, прилагают [много] усердия, трудов и усилий, подвизаясь великим борением; они надеются достичь и обрести [возжеленное] упокоение... Они, подвизаясь всячески, непрестанно состязаясь на ристалище благих нравов и всегда утруждаясь в добродетелях, совсем не считают себя преуспевшими в чём-либо [великом], поскольку не достигли ещё достославной меры» (*Макарий Египетский, прп. Великое послание. XIII:2,4*).

«Где подвиги, там и награды; где войны, там и почести; где борьба, там и венец» (*Иоанн Златоуст, сет. О терпении, кончине этого века и Втором пришествии*).

«По всему пространству Писания ублажаются одни идущие узким путем, вступившим же на путь широкий и пространный везде предсказывается горе. Оставим же путь широкий, ведущий в пагубу, и вступим на узкий, чтобы, потрудившись немного здесь, царствовать в бесконечные веки. Потрудимся, всегда имея пред очами Грядущего судить живых и мертвых и непрестанно содержа в памяти вечную жизнь, нескончаемое Царство, ликостояние с Ангелами, пребывание со Христом» (*Ефрем Сирийский, прп. Добротолюбие: Узкий и пространный путь*).

«Требуя от нас святости, Господь требует от нас только должного, как от тварей, созданных по образу и подобию Божию; ибо душа человеческая одарена величайшими дарами Божиими и способностью ко всякой добродетели, к живой вере, к пламенной и самоотверженной любви, к делам милосердия, к непоколебимому терпению, ради правды и ради любви к Богу и ближнему, к чистоте и святости» (*Иоанн Кронштадтский, св. Начала веры. Гл. 5. I. Борьба с грехом*).

Задание 1. Найдите в предлагаемом для чтения тексте ответы на следующие вопросы:

1. Что такое аскеза?
2. В чём состоит совершенство духовного пути человека?
3. Какое имеют значение для аскезы личные отношения между человеком, Богом и другими людьми?
4. Почему люди уклоняются от пути аскезы?
5. Какие аналогии можно привести аскетическому деланию?
6. Что вы понимаете под самоотречением?
7. Что означает слово «подвижник»?
8. В чём заключается праведность?
9. Чего ждет Господь от своих последователей?
10. Почему необходимо преодолевать себя? Приведите примеры.
11. Необходима ли дисциплина в жизни современных людей? Приведите примеры, подтверждающие вашу точку зрения.
12. Для кого предназначен путь аскезы?

13. Кого называли аскетами в дохристианские времена?
14. Как переводится на русский язык греческое слово «ασκησις» (аскеза)?
15. Можно ли назвать аскетом всякого христианина?

Задание 2. Напишите небольшое эссе на тему: «Каким мне видится путь аскезы в моей жизни?».

Приложение: Митрополит Антоний Сурожский. Ученичество²

Слово «аскетизм» происходит от греческого глагола ἀσκέω, который означает «упражняться». Он может означать упражнение бегуна. Апостол Павел в одном месте своего послания дает этот образ: христианин должен стремиться к совершенству так же, как бегун устремляется к своей цели (1 Кор. 9:24). Обычно слово «аскетизм» наводит на мысль о крайне жестокой жизни и дисциплине. И часто, слишком часто это слово связывается для нас с образами из жизни ранних святых, пустынножителей, образами невероятных, невообразимых достижений выдержки и силы воли людей, которые жили в пустыне в крайних лишениях, проводили все ночи в бдениях, целые дни в молитвах и т. д. В результате для большинства христиан понятие аскетизма связано с этими образами, как будто великие подвижники прошлого совершали эти физические подвиги ради того, чтобы показать, как мало они нуждаются в земном для того, чтобы жить.

Как мне кажется, причина здесь та, что невозможно каким-то образом доказать, передать это чувство укорененности в Боге, показать, что они жили словом Божиим, а не от земли черпали свое бытие. Показать, что их жизнь, насколько это возможно в тварном мире, приближаясь к жизни первых насельников рая, Адама и Евы, живших благодаря совершенной приобщенности Богу и невинности – пусть зачаточной, пусть еще в становлении, – которая должна была развиваться, перерасти в зрелость и святость.

Поэтому жизнеписатели выбирали определенную точку зрения и, вместо того чтобы попытаться показать, насколько глубоко было общение подвижников с Богом, показывали, как мало те зависели от земли. Если вместо описаний подвигов святых почитать их собственные писания, мы видим, что их подвижничество не было просто стремлением выйти за пределы законов природы, какими мы их знаем в мире, отпадшем от Бога. Этот мир должен существовать не только творческим словом Божиим, которое держит наш мир, но собственным усилием – усилием, которое никогда не приведет весь мир или отдельную человеческую личность к полноте жизни, тем более к бессмертию, но может подвести человека к доступному ему познанию Бога, общению с Ним.

Так что аскетизм не заключается в первую очередь в необычайных, невообразимых достижениях мужества, выдержки и воли. Он состоит в тренировке, строгой тренировке, постоянном усилии стремиться к Богу. Вспомните снова слово апостола Павла о том, что нам не следует проходить свое поприще лениво (Еф. 5:15-16). Мы должны следовать своим путем, как тот, кто стремиться к победе. Вспомните и то место, где апостол говорит, что подвиг – не пустые жесты, не гимнастическое упражнение, у подвига есть цель, он устремлен к победе (1 Кор. 9:25-27).

В этом смысле аскетизм – опыт, который принадлежит всем, но не ограничен христианством или религиозной областью вообще. Любое дело в жизни предполагает обучение, усилие, постоянство и подвижническую установку, такую установку, которая ограничивает нашу свободу действий, или мыслей, или чувств, чтобы мы вырастали в меру своего призвания. Хирург должен подчиниться строгой дисциплине, чтобы быть в состоянии оперировать собранно и успешно. Художник должен не только пройти обучение, но и быть в состоянии выразить в камне или на холсте, или в прозе или в стихах, или в музыке то, что больше его самого. Невероятный интерес представляет художник, которому нечего выразить кроме: «Полюбуйтесь, вот мой автопортрет в цвете, в линиях или в звуках». Так что мы должны понимать, что аскетизм в

² Печатается по изданию: *Антоний Сурожский, митр. Беседы о подвижничестве. Ученичество // Он же. Труды. В 2-х тт. М.: Практика. 2007. Т. 2. С. 637–643.*

этом смысле – понятие универсальное и что, когда мы говорим о христианском аскетизме, мы говорим о расположении мысли, расположении сердца, целенаправленности, чувстве ответственности за свое призвание, которые ведомы всем людям. Это не обязательно подразумевает определенный путь к достижению цели, но всегда предполагает какой-то путь.

Святой Серафим в одной из своих бесед с Мотовиловым сказал, что каждый человек должен распорядиться своими дарованиями так, как они приносят ему наибольшую пользу, «прибыток». Одному способствует приближению к Богу милостыня, другому – пост, еще кому-то – молитва, он приводит различные примеры. Каждый из нас должен посмотреть, что ему лучше всего делать, чтобы стать ближе к Богу, и кроме того, бороться с тем, что стоит между ним и Богом.

Так что аскетизм невозможно определить в общем и целом, его можно представить во всем многообразии, многогранности. И каждый, кто называет себя учеником Христа, святой или грешник, должен выбрать свой частный путь или определенные духовные, душевные и телесные упражнения, которые дадут ему вырасти в опытность, а она, в свою очередь, позволит идти дальше к Богу. Потому что недостаточно знать цель, недостаточно даже знать путь. Надо не только знать, куда ты идешь и как туда можно попасть. Надо стремиться, желать достичь цели. Без этого, если не приложить к деланию все сердце – и, повторюсь, это относится не только к приобщенности Богу, но ко всему в жизни, – мы никогда не достигнем цели. Просто силой воли, решимостью исполнить что-то, без сердечного желания мы не сможем дойти до цели.

И тут мы подошли к чему-то очень важному. В начале я говорил о строгой жизни и дисциплине. Когда мы в наше время говорим о дисциплине, мы сразу думаем в плане механически исполняемых правил, которым учат (может быть, уже не учат, но мое поколение учили) в школе, или в молодежных организациях, или в армии, или на некоторых жизненных путях, где требуется иметь дисциплинированное поведение. Но это не все, что подразумевает дисциплина. Дисциплина – это состояние ученика, *discipulus*, не состояние рядового, вытянувшегося в струнку перед капралом. Состояние рядового солдата – это состояние подчиненности. Здесь же предлагается высшая свобода, но свобода, укорененная в верности и ответственности.

Но для этого надо сначала иметь учителя. Я не говорю о духовном наставнике, избранном среди людей. Господь сказал, что Он – единственный наш Господь, единственный Учитель, единственный Наставник (Ин. 13:13). И если мы хотим научиться дисциплине, как ее понимает христианская Церковь, мы должны в первую очередь поставить себе очень серьезно, трезво и ответственно основной вопрос: выбрал ли я Христа своим Господином, своим Учителем, своим Наставником? Не только потому что Евангелие или Церковь последующих столетий предлагает мне мировоззрение, которое представляется наиболее убедительным. Христианство – это отношения, взаимосвязь с Живым Богом на Его условиях и жизнь, соответствующая такой связи. Это не мировоззрение, это образ жизни. И начинается это с бедственного состояния потерянной овцы, через наш акт веры и отдачи Богу, через наше обращение к Нему как к нашему Спасителю и Наставнику, и ведет к тому, что через Крещение, через Покаяние, через возрождение благодатью Божией мы становимся детьми Царства Божия.

Так что в первую очередь нам следует рассмотреть, что такое ученичество. Вы помните слова Христа: Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет (Мф. 6:21). Является ли Бог, Христос, вся область Божия нашим сокровищем или нет? Является ли для меня область Божия целью пути? Готов ли я рассматривать эту область как драгоценную жемчужину, ради которой я продам все, чтобы купить ее и владеть ею (Мф. 13:45-46)? Ясно, что Евангелие (как и я сейчас) не говорит о реальной жемчужине или вообще о материальном имуществе, хотя в процессе обретения свободы, освобождения от порабощенности вещам, привязанностям, предубеждениям и т. д. нам, может быть, придется расстаться с тем, чем мы обладаем. Это может

быть материальное имущество, это может быть положение в жизни, это также может быть наша гордость, наша лень и многое, многое другое.

Так что в отношении аскетизма первое, что надо постараться понять: где мое сокровище? Конечно, каждый из нас может сказать теоретически: да, я христианин, Христос мне Бог, Христос мой Наставник, Христос мой Спаситель. Он мой Господь, мой Учитель, я Его ученик... Но, если мы честны, хотя бы в той небольшой мере, какая доступна каждому из нас, мы осознаем, что глубоко разделены внутренне. В моменты, когда перед нами не стоит никакая проблема, мы всем сердцем готовы служить Богу, мы всем сердцем готовы встретить любые испытания, чтобы достичь высшей цели жизни, но как только придет испытание, искушение, так часто мы откладываем служение Богу.

Отец Александр Ельчанинов сказал – не помню, в своих *Записях*³ или как-то в разговоре, – что между добрым намерением и его осуществлением нельзя дать себе ни минуты промедления, куда могла бы закрасться мысль: «Погодя!», или «Кто-нибудь другой сделает», или «Зачем?», или «А надо ли?». Между верным побуждением и действием не должно быть промежутка, следует действовать немедленно. И это очень важно помнить, когда мы думаем о подвижнической жизни, как я пытался представить ее – как стремление быть верным, ответственным учеником.

Русское слово «подвижник» означает того, кто в движении, кто не застыл. Не то что он в непрерывном волнении и беспокойстве, но он не бывает неподвижен, все время устремлен, не спит, бодрствует, по слову Христа в 24-й и 25-й главах Евангелия от Матфея, как бдит страж, которому поручено предупредить войско о приближении врага.

Это очень важно, и я настаиваю на этом, потому что нет смысла говорить об аскетизме, сознательно устремленном к Богу, если мы не знаем, к какому Богу идти, или не стремимся к Нему, если Он – простое приятное дополнение к наглей обычной жизни или порой помеха, кто-то, кому мы хотели бы закрыть глаза, как воины завязали глаза Христу, когда поругались Ему, ударяли и спрашивали: «Скажи, кто ударил тебя?» (Лк. 22:64). Я ставлю вопрос во всей остроте, потому что он так и стоит. Вопрос в том, живы ли в Боге или мертвы для Бога – не физической смертью, не безнадежно, но как бы мертвы бесчувствием, неотзывчивы и поразительно неблагодарны. Потому что, если бы у кого из нас был друг, который был убит, чтобы спасти нам жизнь, мы бы никогда этого не забыли и старались жить так, чтобы быть достойными этой жертвы. А тут мы видим, что Бог стал человеком, который в молодом – тридцати трех лет – возрасте согласился умереть нашей смертью, чтобы уверить нас, доказать нам, как велика Божия любовь, чтобы мы могли поверить в эту Божественную любовь.

Так что в центре всего – ученичество. И перед нами путь – Евангелие. Но как мы относимся к Евангелию? Мы выбираем, что-то отвергаем, сознательно перетолковываем, даем такое толкование, которое нам легче принять, забывая, что Христос сказал: Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф. 11:29-30).

Все сказанное может вам показаться не относящимся к делу: не то ожидали вы услышать на тему аскетизма, но это существенный его элемент, без которого бесполезны любые наши подвиги, потому что можно голодать, можно не спать, можно совершать все, что совершали святые, и подпасть под осуждение изречения (не помню, чье оно), которое гласит: дьявол никогда не спит, никогда не ест – и никогда не кается... Нам надо быть внимательными, потому что это очень серьезно. Ученичество – состояние духа, которое говорит о том, что мы выбрали Учителя и что всем сердцем, всем своим существом хотим приобщиться Его мысли, разделить Его подход к вещам, жить таким образом, чтобы обрадовать Его, понимать Его так глубоко,

³ Ельчанинов А., свящ. Записи. Paris: YMCA-Press. 1962; М.: Русский Путь. 2001.

так полно, как только можем, перерастать самих себя в Его меру. И это ученичество идет очень далеко, потому что Учитель не говорит нам: исполняй то-то и будешь праведным. Такой подход мы находим в Ветхом Завете.

Разница между ветхозаветными заповедями и заповедями Нового Завета в том, что исполнение ветхозаветных заповедей позволяло человеку сказать: теперь я праведен перед Богом. Но Христос дает нам Свои заповеди и затем прибавляет: когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать (Лк. 17:10). Но вместе с тем мы не призваны быть рабами. Христос говорит нам: я уже не называю вас рабами, Я называю вас друзьями, потому что раб не знает, что думает его господин, а вам Я все сказал (Ин. 15:15). Так что Он ждет от нас не механической покорности, не поступков как дел подчиненности, что мы находим в заповедях Моисея. Он ждет, чтобы через исполнение Его заповедей, которые раскрывают нам Его мысль, его отношение к жизни, указывают нам путь спасения, мы уподобились Ему, усвоили себе все это отношение через вслушивание настолько внимательное, настолько полное, настолько пламенное, чтобы мы стали способны действовать не в ответ как бы на внешний зов, а потому что нас зовет к тому внутреннее побуждение, вдохновение – и в самом простом смысле этого слова, но и в самом возвышенном смысле, словно дыхание в нас Святого Духа, как не раз говорит об этом апостол Павел.

Это предполагает прежде всего тренировку сердца. Речь не идет об эмоциях, о том, чтобы выработать сентиментальные порывы к «младенцу Иисусу», к «сладчайшему Иисусу» или «страждущему на кресте Иисусу» и проч. Вопрос в том, чтобы научиться любить, любить так, чтобы мы могли сказать: Он – подлинное сокровище моей жизни, даже в моменты, когда я теряю Его из виду, потому что я хрупкий, потому что я легко обманываюсь, потому что я многого не знаю, потому что в моем узком сердце и уме, и существе не вмещается все, что должно там быть, – но Он действительно мое сокровище. И после каждого падения я обращаюсь к Нему без отчаяния, потому что знаю, что Он не надсмотрщик, а Спаситель. Вот каково взаимоотношение.

И это еще новый шаг. Где мое сердце, и как я могу воспитать мое сердце в верность, в лояльность⁴, в чистоту – все те чувства и отношения, которые позволят мне принадлежать Самому Богу, даже если моментами я буду отпадать по причине хрупкости, позволят принадлежать в первую очередь Ему, а не быть рабом мира, который иногда прибегает к Богу в моменты тревоги, страдания, страха или горя. И только если в нашем сердце есть голод по Богу, если наше сердце обращается к Богу хоть с какой-то степенью постоянства, мы сможем сделать что-то с нашим умом. Все мы это знаем из опыта обыденной жизни. Мы знаем, что когда наше сердце равнодушно к чему-то, то практически невозможно или невероятно трудно справиться с мыслями. Но если сердце наше отдано чему-то, то ум подчиняется и следует за сердцем. Нетрудно думать о человеке, которого мы любим, и так трудно вспомнить в молитве или на деле кого-то, кто нам в общем-то безразличен. Это просто обязанность, и ум рассеивается. Так что за тренировкой сердца должна последовать целая тренировка ума.

Но есть тренировка нашего тела, потому что между нашей душой и нашим физическим существом нет четкого разделения, так же как Божество не было отделено от человечества во Христе. Мы – духовно-телесное целое, и есть вещи, которые могут быть достигнуты душой только при поддержке сердца и тела: сердце должно дать горение, вдохновение, страстную устремленность, тело должно быть способно на длительное усилие.

Помню, несколько лет назад я вел беседу о молитве в одном из лондонских университетских колледжей – вернее, предполагалось, что я проведу такую беседу. Я вошел в комнату, там было человек двадцать студентов. Они сидели с бутербродами в руках, развалившись в

⁴ Митрополит Антоний употребляет это слово в соответствии с французским оригиналом, как синоним верности, преданности.

креслах, задрав ноги, везде стояли бутылки с пивом. Я ничего не имею против бутербродов, да и пива тоже, поскольку, скажем так, каждое животное должно питаться. Но группа студентов, которая в таком виде и состоянии собиралась слушать беседу о том, как можно встретиться с Богом и общаться с Ним, – это не приемлемо. Возможно, они были очень рады, но я свел беседу к пятнадцати минутам, а затем сказал им: «Теперь задавайте вопросы, если они у вас есть». И молодой человек удобно вытянув ноги в мою сторону, сказал: «Что вы мне посоветуете, если я скажу, что хочу научиться молиться?» Я ответил: «Во-первых, я скажу опустить ноги и сесть прямо». Он послушался. Тогда я продолжал: «В таком расслабленном состоянии вы не способны на длительное умственное усилие. Вот вам мой совет: научитесь утром вставать по будильнику. Когда он прозвонит, у вас две минуты на то, чтобы встать – и сразу в холодную ванну или под холодный душ. Потом десять минут гимнастики, и в течение дня постарайтесь научиться держаться прямо, как человек, а не плестись, будто вы верблюд в караване». Мои слова были восприняты гораздо менее благодушно, чем я ожидал. Но как можно рассчитывать, что ты будешь способен внутренним усилием стоять перед Живым Богом, Которого ты не видишь ясно перед собой, говорить с Ним, если сердцем ты к этому не стремишься и даже тело твое не способно быть в собранном состоянии?

Я хотел бы в заключение упомянуть один образ, который дает Феофан Затворник в своих письмах о духовной жизни. Говоря о роли как нашего тела, так и его тренировки, он пишет, что отношение между телом и душой, духом должно быть подобно связи смычка со скрипкой, верно настроенной. Если струны души не натянуты, даже божественная рука не вызовет певучего звука. Если струны слишком напряжены, они лопнут от малейшего прикосновения⁵. И это, можно сказать, суть аскетического подвига: так настроиться, чтобы само молчание Божие вызывало отклик всего нашего существа или той части в нас, к которой обращается Бог, чтобы мы отзывались в совершенном созвучии с тем, что слышали.

⁵ Собрание писем святителя Феофана. М., 1899. Репринт: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь: «Паломник». 1994. Вып. 6. С. 69–70.

Тема 2. Аскеза в раю. Универсальный смысл аскезы

Аскеза не есть нечто, появившееся после грехопадения человека, появившееся как результат его грехопадения и ставшее необходимым ради исправления греха, вошедшего в человеческую жизнь. Уже в раю Бог заповедал человеку расти духовно, трудясь по возделыванию мира, сохранению и преумножению его благодатной красоты. Содержа в самом себе, в своей собственной природе, всё богатство и многообразие тварного мира, человек был призван Богом не только преумножить красоту окружающего его творения Божия, но и самого себя соделать более красивым, зрелым и неразлучным со своим Творцом.

Так, *аскеза существовала ещё в раю*, и если бы человек не свернул с райского пути аскезы, то грех бы не вошёл в человека.

Что представляла собой райская аскеза? Она не очищала и не призвана была очистить человека от греха (ведь ещё и не было самого греха), и вместе с тем, **она способна была укрепить и углубить отношения и связь человека и Бога**. Труд человека укрепил бы и закалил его телесные силы, а через них и душевные, что позволило бы человеку в конечном итоге познать самого себя, а затем и Бога, таким, «каков Он есть» (1 Ин. 3:2). Пройдя путь райской аскезы, человек созрел бы как личность, люди навечно соединились бы друг с другом и с Богом в любви и согласии. Это соединение, созревшее в аскетическом усилии человека, было бы настолько прочным, что его невозможно было бы уже разорвать – человек навсегда бы остался с Богом.

Именно *подобие Богу и соединение с Ним* – такова была цель, изначально определённая Богом для человека. Путём, ведущим к этой главной для человека цели, или способом её осуществления, и была аскеза. Этот путь, хотя и предполагал усилие человеческое, однако был несложен, и внутренних сил человека, заложенных в него Богом, было достаточно для его осуществления. *Райская аскеза предполагала труд, но не страдание человека*: совершаемый труд приносил бы человеку радость, а плоды этого труда – удовлетворение. Лишь пройдя этот богозаповеданный путь, человек мог стать подлинно Человеком. Через соединение своих усилий, или энергий, действий, с усилиями своего Творца, Бога, человек был способен стать обладателем своего наследства – божественной жизни Самого Бога.

Образ такого пути показывает нам земное взросление и вызревание человека, проходящего под водительством своих любящих родителей путь от младенческого к зрелому возрасту. Доверяя родителям, слушаясь их и подражая им, маленький человек трудится в меру своих сил, учится преобразовывать свои силы в такие действия, которые делают его Человеком, подлинно похожим на тех, кто дал ему жизнь. Ребёнок учится сперва подражать родителям, затем его способности расцветают, он начинает понимать смыслы своих и чужих поступков, мыслей и чувств; и наконец, становится готовым отдавать себя воспитавшим его родителям, даря им свою любовь.

Точно так же детская вера, послушание, подражание Богу и труд были необходимы и для первых людей, Адама и Евы, чтобы они «выросли», духовно созрели и стали подобны Богу. Через веру Богу и труд люди пришли бы к пониманию смыслов всего творения, пришли бы к пониманию собственного назначения в этом мире. А через такое понимание (или созерцание) они, в свою очередь, стали бы одного Бога почитать Целью и Смыслом своей жизни, безраздельно отдавая Ему эту жизнь и свою любовь. *Этот путь позднее святыми отцами будет назван «деланием, созерцанием, обожением»* (греч. – «πράξις, θεωρία, θέωσις» (praxis, theoria, theosis)); этот путь аскезы не потеряет своего значения и в реалиях падшего мира.

Итак, Бог был началом пути аскезы человека в раю, его Детоводителем, Наставником и образцом для подражания. Бог был также конечной и высшей Целью этого пути.

Несмотря на то, что сегодня мы живём в другом мире, лишённом райской гармонии и блаженного неведения зла, *и сегодня перед каждым человеком стоит выбор Адама*, только это происходит уже в другой реальности, в реалиях другого исторического способа того же самого пути к совершенному и непоколебимому пребыванию человека с Богом. Каждый человек призван задуматься: за Кем ему следовать на своём пути жизни, к Кому ведёт этот путь и, наконец, что он лично может сделать, опираясь на эти внутренние ориентиры.

Священное Писание об аскезе в раю и об универсальном смысле аскезы:

«И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы *возделывать его и хранить его*. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2:15-17).

«Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:48).

«Будьте святы, потому что Я свят» (Лев. 11:45; 1 Пет. 1:16).

«Мы проповедуем, вразумляя всякого человека и научая всякой премудрости, чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе» (Кол. 1:26-28).

Святые отцы об аскезе в раю и об универсальном смысле аскезы:

«Памятовать о Боге необходимее, нежели дышать; и, если можно так выразиться, кроме сего не должно и делать ничего иного» (*Григорий Богослов, сет.* Первое слово о богословии).

«Созданный по образу и подобию Божию, он [человек]... исследует природу существующего, усердно пытается постичь существо Божие, делается домом и храмом Божества – и всё это достигается посредством добродетели и благочестия» (*Немезий Эмесский, еп.* О природе человека. Введение).

«Бог не хотел, чтобы человек, прежде известной степени усовершенствования, познал собственную природу и, таким образом, узнавши, что ему многого недостаёт, стал бы заботиться о телесных нуждах, оставивши заботу о душе. По этой-то причине Бог и запретил ему вкушать от плода познания» (*Немезий Эмесский, еп.* О природе человека. Гл. 1).

«Скажем о божественном умопостигаемом рае, насаждённом в сокровитном творении наших душ... Является созерцание его весьма приятным и радостным для тех, которые возделали в нём и сохранили заповедь или даже после падения вернули себя к возделыванию и хранению в нём, так как в самом деле они обучили чувства души и полностью насладились от Древа Жизни и не были повреждены от второго, того самого Древа знания. Остальным же, нисколько не думающим о божественных делах, для которых труд или усердие не соделались в разумное делание от Духа, им не может быть явлена полнота видимого» (*Никита Стифат, прп.* О рае. Гл. 18).

«Древо знания добра и зла –...это познание своего собственного устройства и природы, оно именно хорошо возросшим через полное бесстрастие и мудрость Духа *в мужа совершенного и в меру возраста Христова* (...), восходящим от самого созерцания красоты к величию Творца, для которых, благодаря переводению навыка добродетели из временного в постоянный, не бывает, однако, и не случается отклонений от добра, так как они в самом деле безопасно упрочены в божественном созерцании» (*Никита Стифат, прп.* О рае. Гл. 15).

«И в раю еще предоставлено было Адаму преуспевание: ему предоставлено было возделывать рай и хранить его (Быт. 2:15)... Обильно и красноречиво вещает о Боге и проповедует Бога рай сладости. Во внимании этой проповеди, в изучении Бога, состояло главное дело рая; изучение изящества созданий было делом второстепенным. Как ни был совершен Адам, но он был совершен относительно – относительно к ограниченной природе человека: изучение всесовершенного и бесконечного Бога составляло для него, по естественной необходимости, дело, достойное всего его внимания. Это дело представляло собою поприще бесконечного преуспевания! Это дело сопряжено с высшим духовным наслаждением! Это дело – бесценный дар, достойный бесконечно совершенного и бесконечно благого Бога! Чистый ум человека, распростершись по необъятному Божеству, истощает всю свою естественную силу движения и стоит в священном иступлении пред непостижимым Божеством, вне и превыше всякого размышления, как Серафим, утоляя обильным славословием обилие наслаждения и ненасытно насыщаясь видением Невидимого, закрывая благоговейно и премудро очи пред предметом, превышим видения. Заповедь о хранении рая соделывается понятною для нас, когда сообразим, что падшему ангелу, еще не исполнившему меры грехов своих, возможен был вход в рай, что человек был способен к открытой беседе с духами, что он не был утвержден в состоянии святости, как утверждены в нем Ангелы Света. Хотя он не знал греха, но мог получить это знание, для него невыносимое и гибельное» (*Игнатий Брянчанинов, сет. Слово о человеке. Гл. 10: Введение в рай и совершенство первозданных*).

Задание 1. Найдите в предлагаемом для чтения тексте ответы на следующие вопросы:

1. Почему путь аскезы был назначен человеку ещё в раю?
2. Для чего был необходим труд первым людям?
3. Необходим ли человеку Детоводитель на пути аскезы?
4. В чём современный человек призван ощущать себя подобным Адаму?
5. Развивается ли в аскезе человек как личность? Обоснуйте свой ответ.
6. Какие аналогии в земной жизни можно привести к отношениям человека и его Небесного Отца?
7. Можем ли мы утверждать, что жизнь Бога есть наследство Человека?
8. Каким образом труд и возделывание красоты были связаны с достижением обожения?
9. Возможно ли было существование греха в раю до грехопадения?
10. Мог ли человек достичь богоподобия без аскезы? Обоснуйте свой ответ.
11. Возможно ли было для человека постепенно прийти в состояние неуклонного стояния в Боге и невозможности согрешать?
12. Могли ли Адам и Ева «стать как боги» (Быт. 3:5), если бы не согрешили и продолжили путь аскезы?
13. Как мог человек в раю прийти к познанию смысла собственного предназначения?
14. Имел ли путь аскезы, заповеданный Богом человеку в раю, какие-то общие закономерности? Если «да», то какие?
15. Сохраняет ли свою актуальность путь райской аскезы сейчас, после грехопадения? Обоснуйте свой ответ.

Задание 2. Напишите небольшое эссе на тему: «Цель моей жизни».

Приложение:

Митрополит Афанасий (Николау) Лимассолский **Цель, цели и непопадание в цель⁶**

Обычно у человека есть цели, большие или маленькие, далекие или ближайšie, которые могут быть достигнуты в самом скором будущем, или совсем незначительные. Но есть люди, у которых нет целей в жизни. Однако считается, что человек сотворен так, чтобы иметь цели. Почему же так? Потому что мы верим и читаем в Священном Писании, что человек был создан Богом, знаем, что Бог не делает чего-то случайно, и человека Он сотворил не случайно, и что человек не просто так появился на свет. Случайно сделать можем что-то мы, но не Бог. То, что делает Бог, является совершенным в своем замысле и воплощении, совершенным в своей цели. Все дела Божий совершенны. И человек, являющийся самым совершенным творением Божиим, имеет цель и причину, ради которой он создан.

Святые отцы говорят, что один из первых духовных опытов человек получает, когда начинает просвещаться его ум, когда после очищения он переходит на следующую ступень – просвещение ума. И тогда одним из первых переживаний человека является познание причины сущих, то есть человек начинает понимать опытным способом, ради чего сотворен весь мир. Причина сущих, цель, ради которой был создан весь мир, заключается в том, чтобы помочь человеку понять, как его любит Бог. Старец Паисий, переживший этот духовный опыт по благодати Божией, говорил: «С тех пор я понял, как любит Бог человека. Как богатый отец, любящий свое драгоценное дитя, строит ему самый красивый дом, украшает его сверху донизу чрезмерными богатствами, чтобы выразить свою любовь, так же и Благой Бог сделал все для человека и подчинил все ему, как царю творения. Все творение имеет одну-единственную цель: помочь человеку понять и почувствовать, как любит его Бог, сотворивший все для него. Творение – это выражение любви Бога Отца к человеку»

Если Бог сотворил все эти бездушные вещи для человека, то подумайте, ради какой цели создан человек, являющийся совершенной тварью и венцом всего творения? Для отцов Церкви ответ на вопрос, зачем создан мир, очень прост. Согласно святым отцам, цель всего мира – это познание Творца и обожение твари; цель творения заключена в том, чтобы помочь человеку познать Творца, и чтобы обожилась тварь, человек, через познание Бога, нашего Отца.

Христос в Евангелии ясно говорит, какова цель человека: Царствие Божие. Что такое Царствие Божие? Это Христос, Он Сам есть Царствие Божие. Царствие Божие – это не чувство, не сад, в который попадаешь, это – Сам Христос. Христос сказал нам: *Ищите же прежде Царства Божия... и это все приложится вам* (Мф. 6:33). Небесный Отец знает, в чем мы имеем нужду, и даст нам все, но прежде всего – Царствие Божие. Если человек этого не поймет и вместо того, чтобы двигаться к главной цели, расставив все остальные в правильной иерархии, начнет с других целей и потеряет самую главную, ему придется очень трудно.

Бог создал человека по образу Своему и подобию. Но человек разрушил свою связь с Богом падением. Лишился благодати Божией, нарушив заповедь, и стал подвержен смерти и тлению. Человек потерял цель, ради которой был создан, потерял свой ориентир и теперь не знает, куда идти, поэтому и по сей день ведет себя болезненно. Проявления этой болезни – наши страсти и грехи. Наша страстность, корыстолюбие, лукавство и злоба (хотя Бог нас такими не создавал) являются следствием того, что мы потеряли цель, ради которой были созданы. Поэтому мы имеем духовные болезни: страх (не в психологическом смысле этого слова), чувство незащищенности, подозрительность, лукавство, корысть. Это состояние человека свидетельствует о том, что он потерял свою цель и совершает ошибочные действия, как

⁶ Печатается по изданию: *Афанасий Лимассолский, митр. Цель, цели и непопадание в цель // Он же. Открытое сердце Церкви*. М., 2015. С. 207–214.

пьяный человек, который ходит туда-сюда, направляется в одно место, а приходит в другое, не может найти дороги. У человека помутнело в голове, он опьянел и потерялся в лабиринте греховных страстей и не знает, что с ним происходит. Пока мы грешим и находимся в рабстве у своих страстей, мы сами себя разрушаем.

Греческое слово *αμαρτία* (грех), такое мудрое и замечательное, используемое святыми отцами и Христом в Евангелии, означает как раз то, что имеет в виду православное богословие: непопадание в цель. Что значит непопадание в цель? Это когда ты теряешь свою цель, промахиваешься. Это происходит по двум причинам. Во-первых, потому, что ты не знаешь своей цели, и во-вторых, потому что у тебя нет способности целиться и попадать именно туда, куда хочешь. Святые были чрезвычайно умными и мудрыми людьми, и те из вас, кто знал святых, могут об этом засвидетельствовать; и я, поскольку знал святых людей и даже жил с ними, могу сказать, что у этих святых людей было много общих отличительных черт. Одной из них было то, что они не делали и абсолютно ничего, что шло бы мимо их цели. Они не делали ничего бесцельного.

Они обладали настолько сильным характером, такой рассудительностью и здравомыслием, что их ум работал двадцать четыре часа в сутки. Даже самая незначительная мелочь входила в их цель, поэтому им и удалось достичь таких высот.

Когда человек живет бесцельно, он не может совершить в жизни никаких дел, у него не может получиться ничего серьезного и достойного, а главное, он не может достичь цели, ради которой был создан. Святые люди Божий были как раз теми людьми, которые знали цель своей жизни и совершали действия в абсолютном соответствии с тем, чего хотели. Они не отклонялись ни в чем и ни при какой возможности, не шли на компромиссы, не искали себе никаких оправданий. Цель их всегда была перед ними. Человек создан Богом, чтобы иметь эту главную цель в себе, он также имеет множество других целей более мелких и второстепенных. Но когда он начинает преследовать главную, он выздоравливает и уже в здоровом состоянии действует уравновешенно.

Если нам удастся сделать главной нашей целью Бога, тогда все остальное хорошо устривается, не давит на нас, тогда жизнь не приводит нас в беспокойство, получится ли у нас что-то или нет. Если у меня получается – хорошо, если нет – тоже хорошо. Если у меня получается что-то второстепенное, третьестепенное – хорошо, если не получается, то и это я принимаю с терпением, чтобы через терпение и трудности стяжать Царствие Божие.

Безусловно, в нашей жизни не может все происходить так, как мы предполагаем и как хотим. Что-то будет так, как мы хотим, что-то нет. Если у нас что-то получается, то ни в коем случае нельзя позволять уму воспарять подобно воздушному шару, превозноситься и мнить о себе нечто; но также если у нас что-то не получается, то нельзя предаваться унынию, отчаянию и позволять себе впадать в это страшное состояние, когда кажется, что невозможно подняться и все уже кончено.

Цель часто может быть красивой, но будет развенчана, если она несовершенна: несовершенная цель всегда обманывает и разочаровывает. Такова человеческая природа: она не может быть удовлетворена чем-либо ложным и несовершенным, смертным и преходящим; все это не может нас удовлетворить. Человек может быть удовлетворен только тем, что продолжается, что не умирает.

Его не может удовлетворить то, что когда-то умрет. Он может быть удовлетворен этим лишь какое-то краткое время, поскольку наша природа не может быть удовлетворена суетными, смертными и тленными вещами. Все это утомляет человека, не может дать ему ни радости, ни наслаждения, ни отдохновения. Человек получает отдохновение только в том, что истинно и вечно, а значит – только Бог. Только Бог может дать совершенное отдохновение человеку. Именно об этом говорит Христос: *придите ко Мне... и найдете покой душам вашим*

(Мф. 11:28-29), успокойтесь, и это на самом деле правда, потому что все остальное нас утомляет, насколько прекрасным бы оно ни было. Бог же нас никогда не утомляет.

Именно поэтому Бог хочет, чтобы мы соединились с Ним. Не потому, что Он в нас нуждается, а потому, что желает, чтобы мы, Его дети, действовали правильно, одухотворенно и красиво, в соответствии с тем, как Он нас создал, чтобы мы не умирали до нашей смерти.

Каждая ошибка, которую мы совершаем по отношению к нашей цели, будет иметь трагические последствия. Если мы будем делать себе идолов, и особенно если мы впадем в заблуждение и сотворим себе кумира из чего-то преходящего, даже из самого благородного в жизни (из родителей, детей, супруга), нас обязательно постигнет разочарование.

Необходимо иметь иерархию в своих целях и слушать то, что сказал Христос, искать в первую очередь Царствия Божиего, То есть Его Самого, а все, что нам нужно, даст Бог. Ведь Он не отвергает наших нужд, и, если Он их удовлетворит – хорошо, если нет – будем терпеть и ждать, ибо все в руках Божиих, и будем всем довольны, говоря: «Слава Тебе, Боже». Тогда у нас будет мир в душе, и мы не будем терзаться этими бесчисленными «почему»: почему у меня нет того или этого, почему у меня не получилось то или другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.